

УЧИТЕЛЬ, КОТОРЫЙ УЧИТ БУКВЕ, А УКРЕПЛЯЕТ ДУХ

Статья посвящена заслуженному деятелю науки РФ Б.Г. Могильницкому, которому 18 апреля 1999 г. исполнилось 70 лет. В статье анализируются различные стороны научной, организаторской и педагогической деятельности одного из ведущих методологов и историографов отечественной науки.

Рамки статьи не позволяют обозначить хотя бы пунктирно все грани одаренной и разносторонней личности Бориса Георгиевича. Крупный ученый, гордость старейшего в Сибири Томского университета, широко известный в отечественных и зарубежных научных кругах историк, он является и талантливым организатором науки. При этом Борис Георгиевич обладает редким даром. Он – Учитель, взрастивший солидную школу. И во всех этих ликах присутствует один и тот же образ – образ личности цельной, глубокой, интеллигентной. При всей гармонии своей натуры Борис Георгиевич потрясает удивительным умением – хранить верность традиции, своим учителям, собственным принципам и одновременно быть всегда современным, открытым новому. Профессор Ю.В. Куперт так определил «императив Могильницкого» – сопричастность прошлому и ответственность за будущее. Перефразируя слова известного культуролога В.Л. Рабиновича, каждый из учеников Бориса Георгиевича может сказать, что он – учитель, который учил и учит нас букве, а укрепляет дух.

Родился Борис Георгиевич в 1929 г. в г. Киеве в семье служащих (мать – врач, отец – инженер) с высоким культурным уровнем. С детства ему был привит интерес к литературе и различным видам искусства, который он пронесет через всю свою жизнь. Широкий культурный кругозор, рано проявившийся в сфере человеческого общения, стал основой стиля и его научного творчества. Высокий уровень общей культуры оказал решающее влияние на такие качества Могильницкого-ученого, как почти универсальный для историографа исследовательский диапазон, масштабное видение многочисленных проблем, отсутствие крайностей, как идеологических, так и теоретико-методологических, способность (ничем не заменимая в области историографии) к восприятию, пониманию иных взглядов.

Его поступление в 1946 г. на историко-филологический факультет Томского университета можно считать результатом благоприятного стечения обстоятельств. В то время факультет пополнился не только высококвалифицированными специалистами, но и людьми, прошедшими войну и обретшими нравственную самостоятельность. В послевоенный период на факультете начинали свою научную и педагогическую деятельность такие тогда еще сравнительно молодые люди, ставшие впоследствии крупными учеными, как А.И. Данилов, М.А. Гуляев, Ф.З. Канунова и другие. Для интеллектуального становления Бориса Георгиевича очень важным оказалось то, что это был именно историко-филологический факультет, не только прививавший студентам серьезное отношение к науке, но и дававший им широкую культурную ориентацию.

Небольшое отступление. Вспоминает доцент филологического факультета О.Н. Киселева: *«Нас окружала творческая атмосфера. Историки и литераторы дополняли друг друга. Наше поколение, пришедшее в сознательную жизнь после страшной войны, которую мы пережили подростками, после осознания губительности культа личности, верило, что впереди нас ждет интересная и разумная жизнь. Оптимистическое мироощущение окрыляло. На первых порах взаимное притяжение охватило таких разных людей, как Б.Г. Могильницкий, Н.Н. Киселев, Л.М. Горюшкин, В.А. Тюнин. Возник род мужской дружбы. Местом общения были факультет и Научная Библиотека. Они встречались на ниве общественной работы, любили вместе посещать научку, вместе обсуждать в курилке животрепещущие вопросы, устраивали «мальчишники».*

И хотя эти слова относятся к более позднему, чем студенческие годы, времени, можно представить тот микроклимат, в котором суждено было формироваться Б.Г. Могильницкому. Уже в студенческие годы Борис Георгиевич занялся исследовательской работой.

Вспоминает Ю.В. Куперт: *«Борис был энтузиастом студенческого научного творчества. Во всяком случае, в спор-*

тивную жизнь его нам тогда втянуть не удалось. Почему-то думаю, что к лыжным прогулкам он пристрастился позднее. А вот на многочисленных тогда факультетских собраниях, теоретических конференциях (с участием студентов и преподавателей) его имя повторялось часто и всегда в положительном ключе. Сейчас-то мне ясно: решающую роль играла значительность личности этого молодого человека, которая, конечно, не могла остаться незамеченной ни в научных дискуссиях, ни в повседневном общении».

Ключевой фигурой в становлении Бориса Георгиевича как исследователя-историка стал его учитель А.И. Данилов, под чьим руководством он начнет исследовательскую работу в студенчестве, напишет кандидатскую и докторскую диссертации, а после отъезда учителя в Москву по праву сменит его в должности заведующего кафедрой, руководителя основанной А.И. Даниловым научной школы и главного редактора первого в СССР специализированного ежегодника «Методологические и историографические вопросы исторической науки». Александр Иванович имел богатый и жизненный опыт. Фронтовик. Большой организатор науки и высшей школы – заведующий кафедрой, ректор ТГУ, а впоследствии и министр просвещения РСФСР. Наконец, ученый, чье имя знали и за рубежом, он не мог не быть бесспорным авторитетом в глазах многих и, конечно же, Бориса Георгиевича. Александр Иванович передал своему ученику тот интерес к истории и тот высочайший профессионализм, который был почерпнут им самим у А.И. Неусыхина. А.И. Неусыхин, в свою очередь, являлся учеником известного отечественного медиевиста Д.М. Петрушевского, воспитанного на трудах И.В. Лучицкого и Т.Н. Грановского – гордости русской исторической школы. Отсюда и высокой пробы профессионализм, интерес к источнику, и корректное обращение с ним, и умение слышать голос «другого», и способность деликатно, но твердо отстаивать свои взгляды.

Здесь позволительно будет сделать еще одно отступление. Предоставим слово самому Борису Георгиевичу. На многочисленные вопросы теперь уже своих учеников, вопрошавших, каким же образом под началом такой «авторитарной» натуры, как А.И. Данилов, могла появиться столь либеральная в самом широком смысле слова личность, он отвечал следующим рассказом: *«Во время известной кампании против космополитов в 1949 г. я, тогда еще студент, задал Александру Ивановичу такой вопрос: «А правда ли то, что говорят, будто к нам едет космополит Разгон?». На что Александр Иванович, нахмурившись, ответил: «Запомни, к нам едет крупный ученый, лауреат Сталинской премии И.М. Разгон».*

В свете этого рассказа может быть яснее понят и другой эпизод из жизни Бориса Георгиевича. Уже будучи ассистентом кафедры всеобщей истории ТГУ, он попал в сложную ситуацию. Была осень 1957 г., время, кото-

рое традиционно именуют «оттепелью», однако забывают, что «оттепель» эта была с частыми «заморозками». После венгерских событий в стране развернулась кампания по идеологической бдительности, которая рикошетом ударила по многим. Одной из ее жертв оказался коллега Бориса Георгиевича – Николай Сергеевич Черкасов. Повод для его преследования был совершенно зряшным, но последствия серьезными – исключение Черкасова из партии и изгнание его из университета. Борису Георгиевичу как парторгу кафедры было поручено «донести до масс (Николай Сергеевич был очень популярен среди студентов) всю правду об идеологическом отступнике». Парторг не выполнил поручения, что, естественно, стало причиной очередного партийного разбирательства, и лишь курьезный случай спас его от наказания.

Становление Бориса Георгиевича как ученого приходится на эти же годы, когда наука только-только начала освобождаться от идеологического диктата. По роду своих научных интересов, благодаря своему учителю, Борис Георгиевич был тогда связан с творчеством историков-медиевистов. Так уж получилось, что эта отрасль исторической науки на протяжении почти всего советского периода оставалась на периферии идеологического контроля, что позволило ей сохранить и высочайший научный уровень, и связь как с дореволюционным, так и с современным западным исследовательским опытом. В то время Борис Георгиевич опубликовал серию статей о выдающихся представителях отечественной дореволюционной науки, а творчество Д.М. Петрушевского стало темой его кандидатской диссертации. В царившей тогда обстановке высокомерного отношения к дореволюционным российским историкам как буржуазным идеологам и порой буквально оголтелой критики современных западных ученых Борису Георгиевичу, одному из немногих, удалось написать серьезные исследовательские труды, выделяя во взглядах тех и других то, что ему представлялось позитивным.

Отличительной особенностью отмеченных работ явился анализ теоретико-методологических взглядов историков. Именно в этом проявилась связь молодого ученого с важнейшей тенденцией в развитии советской исторической науки того времени. Дело в том, что до конца 50-х гг. историографические исследования почти исключительно посвящались конкретно-историческим и идейно-политическим взглядам историков. Перелом начался с монографии А.И. Данилова «Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX вв.» (1958). С этого времени начинается систематическое изучение теоретико-методологических взглядов историков. Не случайно, что и ныне эта тенденция в историографии наиболее полно представлена многочисленными трудами исследователей Томской историографической школы, работами Бориса Георгиевича и его учеников.

Обращение к теоретико-методологическим взглядам историков на рубеже 50 – 60-х гг. не только серьезно расширило сферу историографических исследований, объем предмета этой дисциплины, но и имело принципиальное значение для понимания истории исторической науки, так как методологическая позиция историка в существенной степени определяет характер его конкретных исследований.

Обращение к методологической проблематике в области историографии способствовало возрождению в нашей стране методологии истории, загубленной в 30-е гг. Собственно говоря, методологическая проблематика впервые после 30-х гг. зазвучала в двух почти одно-

временно опубликованных фундаментальных исследованиях: в названной книге А.И. Данилова и монографии И.С. Кона «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли» (1959).

Итогом исследовательской работы Бориса Георгиевича в области русской дореволюционной историографии явилась докторская диссертация «Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. – начала 900-х гг.», защищенная в 1967 г. и опубликованная в виде монографии в 1969 г. Научное значение этого труда состоит в том, что он непосредственно связан с изучением центральной в советской историографии 60 – 80-х гг. проблемы кризиса отечественной исторической науки на рубеже XIX и XX вв. В монографии содержится глубокий и всесторонний анализ предкризисной теоретической атмосферы в исторической науке, одновременно она вводит исследователя в атмосферу новых теоретических поисков русских историков уже периода кризиса науки. Труд Бориса Георгиевича в значительной степени стимулировал изучение кризиса отечественной исторической науки. В этой связи является вполне закономерным тот бесспорный факт, что лучшие достижения в области изучения кризиса отечественной исторической науки связаны с исследованиями Бориса Георгиевича и его учеников. Именно они, опираясь на уже накопленный опыт своего учителя, сначала преодолели негативное отношение к теоретическим концепциям, разработанным российскими историками в начале 900-х гг., а соответственно и негативную оценку кризиса в целом, а затем показали, что сам этот кризис представлял собой переход исторической науки на новый, более высокий уровень развития. Лучшие труды учеников Бориса Георгиевича получили не только всесоюзное, но и международное признание.

Монография Бориса Георгиевича имеет и более широкое значение. Дело в том, что она представляет собой концептуальный тип исследования, в котором осуществляется научный синтез. Вне этого исследовательского подхода невозможно осмысление крупных тенденций и структур, в конечном счете, закономерного характера функционирования и развития общественных организмов. Принципиально важно, что свой труд Борис Георгиевич написал в 60-е гг., когда доминирующими в количественном отношении стали так называемые частные исследования. В историографии преобладали работы, посвященные одному и, естественно, отдельно взятому историку, а то и одному аспекту творчества одного историка. Предпринятая отделением истории Академии наук СССР грандиозная по замыслу попытка осмысления целостной и закономерного процесса развития исторических знаний (много-томное издание «Очерки истории исторической науки в СССР») на деле обернулась простой совокупностью разделов о творчестве огромного количества историков, сгруппированных по времени жизни последних и их дисциплинарной принадлежности. В области русской историографии концептуальные исследования в 60-е гг. принадлежат только трем специалистам: кроме труда Бориса Георгиевича – это монографии А.Л. Шапиро «Русская историография в период империализма» (1962) и А.Н. Цамутали «Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века» (1967).

Как это ни парадоксально, но концептуальный тип исследования остается слабым местом и нынешней историографии. В последние годы появилось немало попыток концептуального осмысления отечественной истории. Однако большинство из них не выдерживает серьезной

критики. Это результат длительное время доминировавших частных исследований. Историки во многом утратили опыт создания крупных обобщающих трудов. В то же время, очевидно, что дальнейшее поступательное развитие отечественной исторической науки связано именно с этим опытом. В историографии монография Бориса Георгиевича всегда будет оставаться ярким примером наиболее плодотворного и перспективного типа исследования.

Насыщенная исследовательская работа конца 60 – начала 70-х гг. совпала для Бориса Георгиевича с решением ответственных задач, связанных с руководством кафедрой, факультетом (с 1968 по 1972 г. он был деканом ИФФ, с 1974 по 1980 – деканом ИФ ТГУ). Одновременно он возглавлял и научно-организационную работу по изучению в Томском университете методологии истории и историографии всеобщей истории, в частности, издание периодического сборника «МИВИН», получившего высокую оценку в отечественной и зарубежной науке. Знаменитые методологические семинары, проводившиеся под его руководством, собирали гуманитариев всех вузов города. А региональные конференции по методологии истории, историографии, источниковедению по географии участников и по научному уровню, безусловно, имели в реальности статус всесоюзных. При этом огромная преподавательская нагрузка. Кстати сказать, и по сей день Борис Георгиевич считает своим основным делом обучение студентов. На его лекциях нередко можно увидеть «чужих» студентов, преподавателей, что нечасто случается в практике даже интересных ярких лекторов.

Предоставим слово профессору Л.Г. Сухотиной: *«Борис Георгиевич – незаурядная, рельефная личность. Преданность науке, самоотверженное и бескорыстное служение ей является его доминирующей чертой. Поэтому его выступления на конференциях, методологических семинарах, заседаниях специализированного совета, как и его лекции в студенческой аудитории, всегда есть творчество, но вместе с тем простота и доступность, в них никогда не чувствуется желание подчеркнуть свою значимость, обморочить слушателей своей ученостью. Таким Борис Георгиевич представляется и во всем другом. Не без грусти вспоминаю годы его деканства. Каждый день в определенные часы он был в своем кабинете, за рабочим столом. Всегда деловой, спокойный, доступный. Этот стиль руководства передавался и его заместителям – Б.С. Жигалову и С.Ф. Фоминых. Особо следует отметить его всегдашнюю доброжелательность, терпеливость и терпимость, которые, однако, вовсе не означают всепрощенчества, но сочетаются с прямотой и принципиальностью».*

Вспоминает старший преподаватель Н.И. Майоров: *«Никогда не забуду своего первого практического занятия, на котором присутствовала кафедра. В перерыве ведущий преподаватель дисциплины подверг мою работу уничтожительной, не вполне справедливой критике. Я был обескуражен, растоптан, и только поддержка Бориса Георгиевича сохранила мое самоуважение. А через несколько лет я уже уверенно читал лекции по Древнему Востоку. И многих из нас спасала удивительная чуткость и тактичность шефа. Но при этом он мог прямо в лицо сказать тебе горькую правду, когда ты это заслужил. Могу сказать, что благодаря справедливой и своевременной критике учителя я «избежал падения с круги» и продолжаю работать на родной кафедре».*

Безусловно, все эти качества Бориса Георгиевича видел в нем его учитель, когда, уезжая в Москву, передал ему свое «наследство».

Рассказывает профессор А.А. Говорков: *«Александр Иванович увидел в Борисе Георгиевиче Могильницком талант организатора. В середине 60-х гг. он вызвал меня на беседу и предло-*

жил занять должность декана ИФФ. Однако считал наиболее подходящей кандидатурой на это место доцента Бориса Георгиевича Могильницкого. Но ему нужно было закончить докторскую диссертацию. И действительно, вскоре Борис Георгиевич не один срок был деканом факультета. При этом он сумел объединить вокруг себя талантливых, оригинально мыслящих и высококвалифицированный коллектив кафедры».

Да, это были годы зрелости факультета, который жил бурной и насыщенной жизнью развивающегося организма со всеми его радостями и горестями. Были не только хвала и награды, были и очень трудные ситуации, в которых требовались смелость и гражданское мужество. В конце 60-х гг. оттепель плавно начала переходить в заморозки. Сумятица в головах многих была изрядная. И необходимо было обладать мощным нравственным стержнем, чтобы не растеряться в то сложное и противоречивое время. Борис Георгиевич был одним из тех людей, которые не пытались приспособиться к изменившимся обстоятельствам, но, напротив, по мере сил пытались направлять ход событий в соответствии с собственным нравственным чувством, невзирая на трудности, а порой и опасности выбора позиции. Вот один из примеров.

Рассказывает О.Н. Киселева: *«В 1969 г. Н.Н. Киселев работал над докторской диссертацией по драматургии 20–30-х гг. XX в., и его статья о пьесе Н. Эрзмана «Самобийца» была запрещена и вырезана из уже готового тома Ученых записок ТГУ. В тогдашних условиях политической подозрительности, чтобы идти против течения, необходимо было мужество и убежденность в правоте Николая Никитича. И Борис Георгиевич вместе с Фаиной Зиновьевой Кануновой выступили в обкоме партии в защиту Николая Никитича. Позднее, когда докторская диссертация Н.Н. Киселева трудно проходила в ВАКе в силу выраженных в ней взглядов, Борис Георгиевич включился в хлопоты по ее утверждению. Такие поступки под силу не каждому».*

В конце 60-х гг. центр научных интересов Бориса Георгиевича переместился из области историографии в теоретико-методологическую область. С одной стороны, это было естественно: работая в сфере историографии, он всегда испытывал особый интерес к теоретическим вопросам и накопил к этому времени солидный опыт теоретического мышления, что является незаменимой основой методологических исследований. С другой стороны, обращение к методологии свидетельствовало о выборе позиции, в данном случае научной. Дело в том, что в 30-е гг. методология истории была ликвидирована и заменена историческим материализмом как философской теорией исторического развития. И так продолжалось вплоть до начала 60-х гг., пока не началось возрождение методологических исследований. Однако обстановка была противоречивой. Выдающийся ученый П.В. Копнин и его сторонники, возрождая гносеологические исследования, что было актуальной задачей тогдашнего философского знания, все же недооценивали роль собственного теоретического опыта исторической науки. Те, кто держался за дух и букву исторического материализма, вообще не признавали за историками прав на собственные теоретико-методологические ориентиры. И в этих условиях в 1964 г. Борис Георгиевич публикует свою первую работу по методологии истории «Объективность и партийность в историческом исследовании». В сложной и противоречивой гносеологической ситуации 60-х гг. Борис Георгиевич без колебаний выбрал то направление в развитии методологии истории, которое опиралось не на априорные теоретические конструкции всемирной исто-

рин, а на накопленный опыт конкретного исторического научного познания. Его позиция, как и позиция его учителя А.И. Данилова, была, безусловно, в этом плане новаторской и продуктивной. Но за всем этим новаторством высвечивались связь с традицией, с крупными тенденциями в развитии отечественной дореволюционной науки и внимание к опыту западных коллег.

Свое понимание природы методологии истории Борис Георгиевич изложил в ряде специальных исследований. Основной идеей этих работ явилось положение, используя терминологию Бориса Георгиевича, о «среднем уровне» методологических исследований или «теория действия». Методология истории похожа на слоеный торт. Она включает в себя целый ряд пластов, начиная от частных проблем (методы изучения народных движений, кризисных ситуаций в истории стран и регионов и т. п.) и кончая предельно общими проблемами, удаленными от конкретной практики исторического исследования. Обосновывая «средний уровень» методологии истории, Борис Георгиевич всегда стремился, с одной стороны, сблизить саму теорию с практикой конкретного исследования, с другой стороны, избежать сведения методологии к частным проблемам. В конкретной научной ситуации Борис Георгиевич в известной степени противопоставляет теорию «среднего уровня», или «теорию действия», как он ее стал называть в начале 90-х гг., теории исторического материализма. В этой связи Борис Георгиевич пишет, что если социологическая теория формулирует «общие тенденции исторического развития, то историческая теория объясняет «механизм конкретного исторического действия» («Новая и новейшая история». 1991. № 6. С. 7).

Опора на накопленный опыт научного познания при разработке теоретико-методологических проблем наглядно проявилась в решении Борисом Георгиевичем той проблемы, с которой начались его теоретические публикации, которая волнует его на протяжении всей жизни и которой он посвятил целую серию работ как историографического, так и теоретического содержания – проблема соотношения исторической науки и современности. В этих работах анализируются многочисленные аспекты проблемы, в фокусе которых стоит сознательное отношение историка-профессионала к современности. Суть решения Борисом Георгиевичем этого вопроса сводится к тому, что ученый в любом случае, при решении любой проблемы должен оставаться профессионалом, стремиться к объективным результатам своей исследовательской деятельности, современность же является не только предметом познания, но и его питательной средой, выдвигает наиболее значимые, актуальные для данного времени проблемы, стимулирует научную деятельность.

В этой связи следует специально отметить, что при всей серьезной связи научного творчества Бориса Георгиевича с крупными переменами в истории нашей страны последних десятилетий, ему никогда не было свойственно идеологическое метание, к которому так склонны наша творческая интеллигенция, и тем более конъюнктура в науке. Эту позицию Борис Георгиевич занимает и в настоящее время, когда снова, почти как в 30-е гг., исторические знания охватила идеологическая волна, а СМИ переполнены дилетантскими рассуждениями на исторические темы. Научный профессионализм и актуальность проблематики – вот позиция, которой следует сам Борис Георгиевич и которую он прививает своим ученикам.

Вновь предоставим слово Ю.В. Куперту: «У Бориса Георгиевича, что вообще показательно для крупных ученых, не

наблюдается свойственной части обществоведов стремления сразу поменять плюсы на минусы, готовность служить не истине, а политической «правде», что с удивительным постоянством, как показывает опыт истории, приносит разрушительные последствия в жизнь и особенно в сознание людей, но он всегда чуток к тем проблемам, которые ставит перед нами современность. В подходе к ним занимает взвешенную позицию, прибегая не к аргументам силы, авторитета, а исключительно к сильным аргументам. Завидное свойство! Вполне сознавая необходимость нового понимания истории, Борис Георгиевич Мозильницкий совершенно справедливо полагает, что это возможно лишь в результате использования предшествующих научных достижений, освобождения от ошибок и заблуждений, без которых, увы, наука вообще, тем более обществоведение, обойтись не может. Он убедительно доказывает, что наличие заблуждений в науке, будь они позитивистского, марксистского или даже провиденциалистского толка, отнюдь не основание для вывода, что они вообще не были нужны. Культура, особенно культура человеческой мысли, может обогащаться только через исторический опыт».

В цикле теоретических работ Бориса Георгиевича особое место занимают те, которые посвящены одной из центральных для историографии 70-х гг. проблем – проблеме предмета историографии. В 70-е гг. по этой проблеме развернулась достаточно острая дискуссия. Причиной этой дискуссии было то, что общее, теоретического уровня понимание предмета и задач историографии заметно отстало от практики конкретных историографических исследований, между теорией и практикой историографии возникло существенное противоречие.

К этому времени едва ли не общепринятым было понимание предмета историографии как истории исторической науки. Однако уже были накоплены фундаментальные исследования об исторических знаниях, содержащихся в летописях, работы об исторических взглядах философов, публицистов, писателей и т.д. В среде специалистов все эти работы было принято считать историографическими. В то же время было непонятно, как подвести эти работы под сложившееся определение предмета историографии как истории исторической науки. Дело, разумеется, касалось не просто дефиниции, специалисты должны были прийти к единому мнению о содержании своей дисциплины и путях ее дальнейшего развития, хотя и дефиниция также была нужна.

Решение вставшей задачи первым нашел тогда Борис Георгиевич. Решение заключалось уже в названии опубликованной им в 1974 г. статьи «История исторической мысли как предмет историографического исследования». Под предметом историографии Борис Георгиевич предложил понимать не только историю исторической науки, но и историю исторической мысли, исторических знаний независимо от того, в какой интеллектуальной области они складываются. Разумеется, он понимал разницу между историческими знаниями, сложившимися в науке и за ее пределами, в связи с чем были поставлены две принципиально важные для историографии проблемы: 1). проблема специфики формирования исторических знаний в науке, философии, художественной литературе, публицистике и т.д.; 2). проблема соотношения, взаимовлияния научного и остальных видов исторических знаний.

И сам Борис Георгиевич, и его многочисленные ученики в исследовательской работе давно уже вышли за узкие рамки понимания задачи историографии как изучения истории исторической науки. Сформулированное им понимание предмета и задач историографии

получило тогда широкое обсуждение в среде специалистов и стало общепринятым.

В середине 80-х гг. Борис Георгиевич опубликовал две работы по проблеме специфики исторических законов («О специфических законах истории», «О специфических исторических законах»). Этими работами он включился в дискуссию о предмете исторической науки. Поскольку дискуссия протекала в аспекте сравнения истории и исторического материализма по предмету назначения, постольку в ней приняли участие многие философы и историки. Дискуссия имела принципиальное значение и для философии (исторического материализма), и особенно для исторической науки, так как обсуждался вопрос о научном статусе последней.

Дискуссия началась как результат противоречивой, в каком-то смысле даже нелепой ситуации, сложившейся в советском обществоведении того времени. Противоречивость ситуации была обусловлена взаимосвязанным процессом кризиса (деградации) исторического материализма и уже начавшегося методологического перевооружения исторической науки. Позиция философов состояла в том, что задачей исторического материализма является изучение общих исторических законов, а поскольку никаких других законов тогда никто не знал, постольку изучение закономерного характера исторического развития оказывалось монопольным правом исторического материализма, на долю же исторической науки оставались описание конкретного хода истории и показ исторически индивидуального проявления открытых истматчиками общесторических законов. Что это за законы, никто не объяснял. Нелепость ситуации состояла в том, что по официальной версии советской философии любая дисциплина имеет право именоваться научной только при условии, если она изучает законы, и хотя никто не отказывал истории в праве именоваться наукой, оказывалось, что она не обладает важнейшим качеством науки – изучением законов. Причем тогда, кажется, никого не волновало то обстоятельство, что исторический материализм возродил эфемерную программу позитивистской социологии второй половины XIX века по открытию системы общественных законов, с одной стороны, с другой – в примитивном виде воспроизвел неокантианское понимание предмета исторического познания. Задача группы историков, принявших участие в этой дискуссии, попросту говоря, состояла в том, чтобы доказать, что история – это тоже наука, но каждый обосновывал это по-своему.

Основной смысл работ Бориса Георгиевича состоял в том, что законы функционирования и развития общества многообразны, среди них есть и такие, которые являются предметом изучения только исторической науки и не входят в предмет исторического материализма. Борис Георгиевич обосновал новую по тем временам идею об относительных исторических законах, действующих в ограниченных пространственно-временных рамках. Идея оказалась в высшей степени перспективной. Сейчас всем понятно, что никаких общесторических законов нет вообще, а провозгласивший задачу открытия таких законов исторический материализм окончательно деградировал.

Борис Георгиевич неоднократно обращался к центральной в методологии истории проблеме – проблеме предмета исторического познания. Специфику исторической науки он видит в том, что она имеет дело с конкретными историческими событиями, с «конкретным ходом событий, образующих определенную историческую ситуацию». Одновременно Борис Георгиевич со всей определенностью утверждает, что «именно в сфере истори-

ческого синтеза и выражается природа истории как науки» («Вопросы истории». 1987. № 2. С. 67). Позиция Бориса Георгиевича достаточно четкая и, что не менее важно, лишена крайностей: наукой историю делает синтез, но в отличие от теоретической социологии (исторического материализма) и чрезмерно социологизированной истории этот синтез всегда учитывает конкретную историческую ситуацию, конкретный ход событий. Именно научный синтез, на основе которого создаются концептуальные исследования, позволяет, по мнению Бориса Георгиевича, осознать закономерный характер исторического развития.

С 1974 г. Б.Г. Могильницкий начал публикацию своих работ по проблеме альтернативности исторического развития. Хотя первая статья называлась «Альтернативность исторического развития в ленинской теории народной революции», думаем, что к идее исторической альтернативности Учитель пришел не только от размышлений о ленинских взглядах. Подобно тому, как А.И. Неусыхин «переводил на марксистский язык» некоторые фундаментальные положения историко-социологической теории М. Вебера, Борис Георгиевич насыщал ленинские понятия теми умозаключениями, которые сложились у него в результате освоения многообразного историко-теоретического опыта как западных, так и отечественных ученых. В итоге идея была разработана им до уровня учения, которое без всяких натяжек может претендовать на статус фундаментального открытия в теоретико-методологической области, равных которому не было в последние десятилетия в отечественной методологической науке. В методологической литературе двух последних десятилетий, пожалуй, не было ни одной работы, в которой так или иначе не затрагивалась бы эта проблема, а понятие исторической альтернативности превратилось в фундаментальную категорию исторической науки. Значение этого открытия, как говорят в подобных случаях, трудно переоценить. Здесь нет нужды разъяснять содержание учения Бориса Георгиевича об исторической альтернативности хотя бы потому, что об этом много написано. Хотелось бы кратко остановиться на научном значении учения об исторической альтернативности.

Прежде всего необходимо отметить, что это учение, как и сама категория исторической альтернативности, имеет прямое и непосредственное значение для практики конкретного исторического исследования. Учение не на словах, а на деле означает тот самый «средний уровень» методологии истории, о котором неоднократно писал Борис Георгиевич и который помогает историкам осмыслить конкретные исторические ситуации как важнейшую задачу исторического исследования.

Учение об исторической альтернативности – это такое открытие, которое, по существу, изменяет сам тип исторического мышления, сложившийся в нашей науке. На смену одномерному, однонаправленному видению истории приходит многомерное, учитывающее безграничное многообразие истории, понимание, свободное от какой бы то ни было догматики. В теоретической физике такое понимание носит название релятивистского. Лучшее всего о значении исторической альтернативности сказал сам Борис Георгиевич: «Принципиальное значение этой категории заключается в том, что она предупреждает всякую догматизацию истории, с каких бы позиций она ни совершалась. Признание альтернативности в истории исключает упрощенно-детерминистский подход к ней, будь это представление об историческом процессе как реализации божественного плана или неуклонном прогрессе производительных

сил, определяющем все другие стороны жизни общества» («Новая и новейшая история». 1991. № 6. С. 5–6).

Рос научный авторитет Бориса Георгиевича, росло уважение к нему друзей, коллег, учеников, он хорошо стал известен и в столичных кругах, уважаем в среде высокопоставленных властных фигур Томска и области. При этом, как выразилась О.Н. Киселева, Борис Георгиевич никогда не был человеком, который ничего не видит вокруг себя. Человек широкого кругозора и большой души, он проявлял неподдельный интерес к судьбам своих друзей и коллег. О том, что эта заинтересованность была искренней и действенной, свидетельствует много фактов.

А.А. Говорков рассказал нам, в частности, о таких: *«Приведу два примера, характеризующие нравственные качества Бориса Георгиевича как принципиального ученого и человека. На факультете многие помнят, что московские высокопоставленные чиновники недоброжелательно относились к И.М. Разгону, лауреату Сталинской премии, патриарху советских сибирских историков. Это сказалось в том, что ему неоднократно отказывалось в присвоении звания Заслуженного деятеля науки. В знак протеста против такого несправедливого отношения к И.М. Разгону Борис Георгиевич Могильницкий не давал согласия на посылку в Москву документов, позволяющих ему стать Заслуженным деятелем науки. Принципиальная позиция юбиляра серьезно помогла пройти через ВАК моей докторской диссертации. Некоторые чиновники ВАКа резко негативно относились к самой личности академика М.Н. Покровского. Диссертация подверглась дополнительному рецензированию. Но рецензенты дали положительный отзыв на работу. И все же были предложения, чтобы я сам отозвал работу из ВАКа взамен присвоения мне должности профессора. По инициативе Бориса Георгиевича Могильницкого при поддержке И.М. Разгона от имени нашего Совета был составлен дополнительный положительный отзыв, и только тогда ВАК решил присвоить мне степень доктора исторических наук».*

Многих «прикрывал» Борис Георгиевич своим авторитетом. Широко известно так называемое тепличное дело 1980 г., к которому оказался причастным доцент В.С. Гурьев. Чтение «Доктора Живаго» могло обернуться для него лишением работы, если не запретом на профессию, не будь заступничества Бориса Георгиевича. В аналогичных обстоятельствах оказывались и многие другие.

Предоставим слово доценту В.М. Мучнику: *«В 70-х гг. у нашей семьи, как и у многих других томских семей, возникли проблемы с самиздатом. Кампания, которая проводилась тогда всеисильным ведомством, зацепила и нас. В доме родителей произошло то, что сотрудники КГБ назвали изъятием. Забавно, что у нас изъятию книгу М.О. Гершензона о Чаадаеве в придачу с изданными письмами самого Петра Яковлевича. Я тогда учился в аспирантуре и предполагал, что это как-то отзовется и на моей судьбе. Однако из аспирантуры меня не отозвали. Доучился. Защитился. И даже был оставлен на кафедре. При этом я всегда считал, что просто не сработал механизм обычно отлаженной работы органов. И только почти 20 лет спустя, абсолютно случайно, я узнал, что осечки не произошло, что к Борису Георгиевичу приходили, говорили ему о том, что меня следует из аспирантуры исключить. Характерно даже не только то, что Учитель дал мне закончить аспирантуру и взял на кафедру, характерно, что он ни словом об этом не обмолвился. Насколько я знаю, аналогичным образом он поступал и со многими другими людьми. Мы все забыли ощущения тех лет, забыли о том, что так поступить в те годы подразумевало не только высокую порядочность, но изрядное личное мужество, что так поступали далеко не все».*

Не знаем, читал ли сам Борис Георгиевич в те годы самиздатовскую литературу, разделял ли в чем-либо «диссидентские» взгляды своих учеников. Знаем одно,

он всегда ценил и уважал право личности на собственный выбор позиции, взглядов, круга чтения и т.п.

В контексте затронутой темы нельзя обойти молчанием вопрос об отношении Бориса Георгиевича к классикам марксизма. В перестроечные годы отношение к трудам Маркса, Энгельса, Ленина стало своеобразной лакмусовой бумажкой, с помощью которой эксперты от конъюнктуры с неподражаемой легкостью отделяли «истинных» историков от «прихвостней марксизма». Полутона в историографической полемике этих лет – вещь чрезвычайно редкая. Отчасти для этого имелись основания. О классиках в течение советского периода написано буквально горы литературы. Их имена нещадно эксплуатировались, а их взгляды порой упрощенно интерпретировались, если не извращались. Борису Георгиевичу нередко приходилось обращаться к наследию Маркса и его учеников. И, конечно же, как для человека тогдашнего поколения, авторитет этого наследия был для него непререкаем. И все же, основная задача, которую преследовал Борис Георгиевич в своих многочисленных публикациях, по его собственным словам, состояла в том, чтобы «окончательно освободиться от догматического подхода к марксизму, лишь дискредитирующему его подлинное научное значение» («Новая и новейшая история». 1991. № 6. С. 3). Что он и делал, как это явствует из того же примера с учением об альтернативности. В своих работах Борис Георгиевич пытался выделить те продуктивные стороны их взглядов, которые имели перспективу для лучшего понимания общественно-исторических процессов. Именно поэтому не изменилась на 180° его оценка этих мыслителей. Для него они по-прежнему остаются крупными фигурами, оставившими глубокий след в истории и сознании людей, несмотря на их ошибки, заблуждения и иллюзии. Это не означает, что его отношение к трудам классиков осталось неизменным. Уже в начале 90-х гг. Борис Георгиевич писал в одной из своих статей: «начинается, хотя и медленно, подспудно процесс осознания того, что классическая марксистская теория недостаточна для понимания многообразия исторической действительности» («Новая и новейшая история». 1993. № 3, С. 13). А в последние годы у Бориса Георгиевича все чаще звучит мысль, что марксистский научный метод является хотя и важным, но всего лишь одним из многих необходимых для историка методов исследования. Кстати сказать, такая позиция Могильницкого-методолога, безусловно, перекликается со взглядами многих известных западных историков, подчеркивающих важность методологического плюрализма.

В этой связи становится понятным, почему Борис Георгиевич одним из первых среди отечественных методологов поставил вопрос об относительности исторической истины. Стиль его жизни и работы мысли не мог не привести к отказу от представления об истине как непреложном, раз и навсегда добытом знании. Лучше всего об этом сказал сам Борис Георгиевич: «Претензия на монопольное обладание всякой истиной, в том числе и исторической, по самой сути своей несовместима с областью научного познания потому прежде всего, что она исключает свободу научного поиска, подменяя его движением по заранее намеченному пути к заведомо известной цели. Причем само определение этой цели, как и путей достижения ее, является прерогативой небольшой группы лиц – жрецов монопольной истины, ее бдительных и неустанных хранителей» («Россия в XX веке». М., 1994. С. 713). Конечно, Борис Георгиевич не проповедует известный принцип, сформулированный К. Беккером, – «каждый сам себе историк». И вообще «концептуальный анархизм» не в его вкусе. Но он поклонник сомнения как познавательного принципа, сомнения не рас-

слабляющего, говоря его словами, волю исследователя, а оплодотворяющего его усилия. Отсюда, кстати сказать, и тот дух свободы, которым дышат возглавляемая им кафедра и его многочисленные ученики. Отсюда и взвешенная и мудрая гражданская позиция Бориса Георгиевича в наши сложные постсоветские годы. Он не ищет врагов ни справа, ни слева, не примыкает ни к одному из противоборствующих политических лагерей. Но в своих статьях и публичных выступлениях постоянно отстаивает мысль о политическом диалоге как единственном условии конструктивной работы общества по созданию сильного и цивилизованного государства. Невольно вспоминаются слова известного ученого В.М. Межуева о том, что наше общество долгое время если искало истину, то абсолютную, а потому и жило во лжи, если искало доброту, то до святости, и, стало быть, обречено было жить во зле. Борис Георгиевич своим примером учил и учит своих учеников искать иные пути самоопределения как в научном, так и в гражданском смыслах.

Нами уже не раз отмечалось, что «железный занавес» никогда не отделял поиски Бориса Георгиевича и его учеников от исследований западных ученых. Он всегда пристально наблюдал за теми сдвигами, которые происходили в западной науке. Могильницкий одним из первых занялся в 70-е гг. проблемой проникновения психоанализа в историческую науку, прежде всего США, одним из первых подметил такую важную тенденцию в развитии историографии, как «возрождение нарратива», одним из первых начал анализировать те процессы, которые ныне именуются антропологическим сдвигом в историографии.

И дело здесь не только в приоритетах, хотя то, что Борис Георгиевич был и остается одним из первопроходцев в лабиринте зарубежной исторической науки, несомненно, важно. Дело здесь в другом. В условиях кризиса идентичности, охватившего нашу науку в последние десятилетия, в условиях «концептуальной анархии» как следствия крушения безраздельного господства марксистской социологической теории его историко-методологическая работа является знаковой. Знаковой в том смысле, что для Бориса Георгиевича в царящей атмосфере «смены всех» приоритетным является не поклонение каким-либо «измам» (будь то марксизм или постмодернизм), а следование профессионализму, который и является самой важной опорой ремесла историка.

Профессионал высокой пробы, удостоенный звания Заслуженного деятеля науки России, руководитель гранта, выданного на поддержку ведущих научных школ, Борис Георгиевич продолжает работать не менее интенсивно, чем 10 или 20 лет назад. О том, что сказанное далеко от комплиментарности, говорят сами факты. Под началом Бориса Георгиевича защищено 3 докторских и 42 кандидатских диссертации. Причем в последние годы круг интересов и самого учителя и его учеников чрезвычайно расширился. Появились исследования, посвященные таким неожиданным для отечественной историографии сюжетам, как, например, тема

смерти в современной французской историографии, или же проблема формирования западноевропейской средневековой цивилизации в свете концепции Л.Н. Гумилева. Под его редакцией вышла монография его учеников, посвященная одной из актуальных проблем науки «К новому пониманию человека в истории. Очерки развития современной западной исторической мысли», высоко оцененная авторитетными специалистами в альманахе «Одиссей» (1996 г.). Борис Георгиевич руководит научной работой по двум грантам: «Историческая наука и историческое сознание», «1917 год в Сибири: новые подходы к изучению революционных движений».

Он постоянно находится в поиске, осваивает новое. Одним из первых на факультете Борис Георгиевич опробовал дистанционное обучение и был удовлетворен, что получил заинтересованный отклик студентов иногородних вузов. Его постоянно можно видеть в советско-американском центре библиотеки ТГУ, знакомящегося с новинками поступающей литературы.

Особой гордостью Учителя является кафедральная молодежь, с которой он связывает будущее созданной школы. Как-то во время конференции, проводимой летом 1998 г. под рубрикой «Историческое сознание и историческая наука на рубеже веков», Борис Георгиевич сказал, что тон заседания секции по историографии и методологии истории задавали молодые докладчики и что уровень выступлений аспирантов вопреки обыкновению не был уровнем начинающих, пробующих перо учеников. Это был уровень уже сложившихся исследователей. И в этом, безусловно, заслуга самого Учителя, который не только привил своим подопечным многие профессиональные навыки, но который всегда давал возможность свободного поиска, стимулирующего творческий дух работы.

Неудивительно, что руководимая Борисом Георгиевичем кафедра, несмотря на различие научных и политических взглядов его учеников и коллег, невзирая на разность характеров и круга общения, была и остается сплоченным и динамично развивающимся коллективом. Профессор В.П. Андреев дал ей такую характеристику: «интеллектуальный мотор факультета». Исходящие от Бориса Георгиевича духовные импульсы распространяются в самом широком радиусе действия. По словам доцента Л.А. Голишевой, любое общение с ним учит, развивает, наставляет. И потому, считает она, с полным основанием можно говорить о сложившейся на факультете школе профессора Б.Г. Могильницкого не только в общепринятом смысле, как школе ученого, но и школе в более широком, с одной стороны, и в более конкретном, с другой, понятии: как о стиле работы, манере поведения, приемах обучения учеников, передачи опыта коллегам и т.п., словом, как о комплексе черт, характеризующих творческую личность. Секрет творчества Бориса Георгиевича одновременно сложен и прост. Думая о нем, невольно вспоминаются слова А.С. Пушкина: «любовь и тайная свобода внушают сердцу гимн простой».

Статья представлена Ученым Советом исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию 25 апреля 1999 г.

Голишева Любовь Александровна,
доцент, кандидат исторических наук,
доцент кафедры современной отечественной истории
исторического факультета

Жизнь и деятельность доцента Любви Александровны Голишевой более 40 лет связаны с историче-

ским факультетом Томского государственного университета: студентка, лаборант, аспирантка, ассистент,